

Фальшивые ученые степени в XVIII веке?

Ю. П. Зарецкий

Зарецкий Юрий Петрович

доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: yuzaretsky@hse.ru

Аннотация. На основе анализа новейших работ историков и диссертаций XVII–XVIII вв. реконструируются важнейшие составляющие практики присуждения ученых степеней в немецких университетах раннего Нового времени. Задача реконструкции — понять, можно ли считать эту практику сопоставимой с нечестными способами получения академических степеней в современном мире. Раскрываются представления об ученой степени в европейской культуре до эпохи Модерна, рассматриваются магистерские и докторские диссертации XVII–XVIII вв., обсуждается проблема их авторства, анализируются изменения, произошедшие в процедуре защиты диссертаций и истори-

ко-культурные предпосылки рождения докторской степени современного типа. Поскольку основные социальные, культурные и интеллектуальные перемены, способствовавшие появлению общепринятого сегодня понимания академических степеней, завершились лишь к началу XIX в., автор считает необоснованным предъявлять современные научные и нравственные критерии к практике присуждения их в более ранний период. Из такого заключения не следует, что фальшивых ученых степеней в Европе раннего Нового времени не было или что они были редкостью, — просто сама «фальшивость» понималась тогда иначе.

Ключевые слова: история образования, история науки, история университетов, культура раннего Нового времени, ученые степени, защита диссертаций.

DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-245-273

Несколько лет назад в Германии произошли громкие скандалы, связанные с обнаружением плагиата в докторских диссертациях двух членов правительства канцлера Ангелы Меркель — министров обороны и образования. Вследствие поднявшейся волны общественного возмущения обоим пришлось уйти в отставку¹. Германия, однако, отнюдь не единственная страна, где

¹ Федеральный министр обороны Карл-Теодор цу Гуттенберг подал в отставку 1 марта 2011 г., после того как в немецкой прессе его стали именовать бароном Cut-and-Paste, Zu Copyberg и Zu Googleberg за массовые заимствования в его докторской диссертации «Конституция и конституционный договор: этапы развития конституции в США и в ЕС» (Verfassung und Verfassungsvertrag: konstitutionelle Entwicklungsstufen in

Статья поступила в редакцию в августе 2015 г.

Статья подготовлена в ходе проведения исследования (проект 15-01-0072) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета „Высшая школа экономики“» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

в последние годы недобросовестные способы получения ученых степеней политиками и чиновниками высокого ранга стали достоянием гласности. Многочисленные случаи серьезных фальсификаций при присуждении университетских степеней представителям правящей верхушки обнаружались также в Греции, Иране, Канаде, Кении, Ливане, Пакистане, Румынии, Южной Корее и даже в Великобритании, Ирландии и Швеции, имеющих, как и Германия, богатые университетские традиции². А в США федеральные власти не так давно начали кампанию против «фабрик дипломов и степеней», предлагающих всем желающим университетские степени за умеренную плату³. Ситуация с учеными степенями в России, хотя и имеет свои особенности, не является уникальной: околонучный бизнес по написанию липовых диссертаций и присуждению липовых кандидатских и докторских степеней российским политикам, чиновникам и просто состоятельным гражданам также стал в последние годы предметом пристального общественного и государственного внимания⁴.

Естественным образом возникает вопрос: насколько справедливо они присуждались раньше, во времена, когда университетский диплом еще не был условием получения высокой должности или продвижения по службе? Вопрос этот в историографии не новый [Hörn, 1893; Bengeser, 1964], однако долгое время его изуче-

den USA und der EU), защищенной в Байройтском университете в 2007 г. В 2012 г. обвинения в плагиате были предъявлены федеральному министру образования и научных исследований Аннетте Шаван; 6 февраля 2013 г. она была лишена звания доктора Дюссельдорфского университета им. Генриха Гейне, полученного 32 года назад после защиты диссертации «Личность и совесть. Исследования предпосылок, необходимости и современных требований формирования совести» (Person und Gewissen. Studien zu Voraussetzungen, Notwendigkeit und Erfordernissen heutiger Wissensbildung). Ее прошение об отставке было удовлетворено канцлером Меркель три дня спустя, 9 февраля.

² О разоблачении фальшивых ученых степеней в разных странах см.: <http://www.thenews.com.pk/Todays-News-13-21587-Fake-degree-holders-are-punished-worldwide>; <https://www.insidehighered.com/blogs/world-view/politicians-fake-degrees-and-plagiarism>

³ Diploma mill, degree mill. Чтобы остановить поток докторских дипломов, выдаваемых сомнительными учреждениями, Министерство образования США в 2005 г. создало базу данных учреждений, имеющих аккредитацию на выдачу дипломов о послешкольном образовании: <http://ore.ed.gov/accreditation/>. Тем не менее, по подсчетам 2010 г., в стране ежегодно продается более 100 тыс. фальшивых дипломов, средняя стоимость которых составляет 1 тыс. долл. См.: <http://edition.cnn.com/2010/BUSINESS/01/11/fake.college.degrees/>. Специальное исследование о «фабрике степеней» см.: [Ezell, Bear, 2012].

⁴ См., например, результаты масштабного проекта «Диссернет» (<http://www.dissernet.org/>) и документы Совета по науке Министерства образования и науки РФ (<http://sovet-po-nauke.ru/>).

ние происходило в рамках историографической традиции, которую Марк Блок назвал «манией происхождения»: исследователи искали истоки современных процедур оценки научного знания. Причем для историков университетов справедливость присуждения научных степеней была вопросом второстепенным или даже третьестепенным. Главное внимание они уделяли иным сюжетам, так или иначе подтверждавшим их «славное прошлое»: университетские привилегии, академические свободы, формы самоуправления, общественная значимость, корпус преподаваемых в университетах наук, торжественные ритуалы, вольный студенческий быт⁵.

В последние 10–15 лет в изучении истории университетских степеней обозначился новый ракурс: акцент сместился с проследования истоков и преемственности на выявление и описание исторических особенностей. И это смещение акцента позволило по-новому взглянуть на феномен ученой степени в раннее Новое время. Стало очевидно, что тогда европейскому академическому миру были чужды сегодняшние представления о ее важнейших социальных и культурных функциях, об общественной роли ее обладателя, о том, как должна выглядеть диссертация, ее авторстве, оригинальности и научной значимости, порядке ее защиты. Обнаружение этого различия породило новую волну интереса к теме и целую серию исследований [Müller, 2007; Blecher, 2006; Chang, 2004; Clark, 2006; Der Dokortitel zwischen Status und Qualifikation, 2012; Disputatio 1200–1800, 2010; Examen, Titel, Promotionen, 2007; Füssel, 2006; Promotionen und Promotionswesen, 2001; Wollgast, 2001]⁶.

Впрочем, как историки, занятые поиском истоков современных академических степеней, так и те, кто изучает их отличия от присуждавшихся столетия назад, отвечают на поставленный в названии этой статьи вопрос вполне однозначно: тогдашние степени совсем не обязательно свидетельствовали о научных заслугах кандидатов и в еще меньшей мере — о достоинствах защищенных ими диссертаций. В подтверждение такого заключения они приводят примеры насмешек современников над поразив-

⁵ Такое внимание к «славному прошлому» вполне объяснимо: университеты используют историю для подтверждения высокого статуса создаваемого в их стенах научного знания. Актуализация этого «славного прошлого», в том числе и в совсем недавно появившихся университетах, находит наиболее зримое воплощение в воспроизводстве старинных церемониалов, некогда сопровождавших присвоение ученых степеней, особенно в ношении специальных одежд (почти повсеместно это мантия и квадратная академическая шапочка с кисточкой в оксбриджском стиле).

⁶ В подавляющем большинстве случаев речь в них идет о германских университетах, что неудивительно, ведь именно они оказали наибольшее влияние на становление университетского образования и университетской науки в современном мире.

шей в то время университетскую корпорацию «титуломанией» и ее следствием — присуждением ученых степеней случайным людям. Известен случай, когда студенты одного из немецких университетов возвели в докторскую степень барана, нарядили его в соответствующие одежды и возили по городу с криками «Дорогу новому академику!» [Андреев, Посохов, 2012. С. 331]. Более того, историки единодушны во мнении, что в германских университетах середины — второй половины XVIII в. была широко распространена торговля диссертациями и степенями. В качестве подтверждения они приводят десятки свидетельств современников, в том числе авторитетных ученых и государственных деятелей [Prah, 1978. S. 129; Wollgast, 2001. S. 103–104]. Такое положение вещей чаще всего связывают с общим упадком университетов как центров научного знания: они оставались глухи к новым идеям, рожденным научной революцией и просвещением, и противились любым переменам [Rudy, 1984. P. 87; Андреев, 2009. С. 23]. В результате накануне Нового времени место университетов в Европе заняли иные центры интеллектуальной жизни: ученые сообщества и академии, салоны (во Франции), кофейни (в Англии)⁷.

Итак, в Европе раннего Нового времени «фальшивые» магистры и доктора встречались едва ли не чаще, чем сегодня. Но что значит «фальшивые»? То, что обладатели степеней получали их в обход установленного порядка, т. е. обманным путем? Или «фальшивыми» они кажутся только сегодня, а тогда дело обстояло как-то иначе? И как именно? Для поиска ответов на эти вопросы рассмотрим основные составляющие понятия «ученая степень» и их эволюцию от Средних веков к Новому времени: требования к кандидату; социальный статус обладателя степени; порядок ее присуждения; представлявшиеся к защите диссертации и практику их написания. В основу реконструкции положены исследования университетских степеней в германских университетах и анализ содержания магистерских и докторских диссертаций XVII–XVIII вв.⁸

⁷ В революционной Франции университеты воспринимались как оплоты старого порядка и в сентябре 1793 г. по решению Национального конвента были распущены [Guillaume, 1911]. В германских государствах XVIII в. они, однако, оставались главными институтами производства и трансляции научного знания.

⁸ В российских университетах до конца XVIII — начала XIX в. определенного порядка присуждения ученых степеней не существовало. Адресованное в 1759 г. императрице Елизавете Петровне предложение Ломоносова — «чтобы [академический] университет имел власть производить в градусы высочайшим монаршеским именем» [Ломоносов, 1955. С. 539] — не получило высочайшей поддержки. Так же как и второе, более развернутое, подготовленное им в конце 1764 — начале 1765 г., уже для Екатерины II. Ломоносов предлагал записать в новый проект привилегии Академии наук: «б. Дозволяем и повелеваем нашей Академии и Университету производить нашим именем и указом всех достойных студен-

В Средние века университеты представляли собой корпорацию учителей и учеников наподобие ремесленного цеха или гильдии, большую часть которой составляли клирики [Уваров, 2003; Нехаева, 2011]⁹. Поскольку деятельность университетов обуславливалась папскими привилегиями, их главная задача состояла в трансляции авторитетного корпуса знаний, единого для всех христиан. В эпоху Реформации положение вещей изменилось: университеты стали конкурирующими центрами богословских знаний, в задачу которых входило, в частности, отстаивание правоты того или иного направления христианства. Теперь в германских землях условия их деятельности определяли секулярные князья, поэтому помимо подготовки теологов большое внимание в университетах стало уделяться обучению юристов, врачей и государственных служащих [Hofstetter, 2001. P. 1–2]. При этом различия в организационной структуре и функционировании между католическими и протестантскими университетами были несущественными. Схожими оставались также понимание сущности ученой степени и порядок ее присуждения [Уваров, 2000. С. 16–19].

**1. Ученая степень
как явление
культуры:
Средние века
и раннее Новое
время**

тов в ученые градусы по примеру европейскому, т. е. в юридическом и медицинском факультете в лиценциаты и в докторы, а в философском — в магистры и докторы» [Ломоносов, 1952. С. 162–163]). Академия наук, правда, sporadически присуждала степень магистра философии, но никаких сведений о сути этой процедуры нет [Иванов, 1994. С. 12]. В проекте устава Московского университета 1755 г. о порядке присвоения «градусов» ничего не говорилось, и в течение последующих десятилетий никаких регламентов в этом отношении принято не было [Андреев, Посохов, 2012. С. 338–356; Феофанов, 2011. С. 131–137]. Правда, отдельные попытки получить докторские степени или их присудить без всяких регламентов и традиций здесь предпринимались, но результатов не дали [Пенчко, 1963. С. 79, 242, 381–382, 396]. С 1764 г. в России можно было получить «градус» доктора, но только по медицине, и не в академии или университете, а в Медицинской коллегии — предшественнице министерства здравоохранения: в указе от 9 июня 1764 г. Екатерина II жаловала привилегию «Коллегии медицинской по собственным ее экзаменам всех обучившихся сей науке производить в докторы медицины» [Полное собрание законов Российской империи. Т. XVI. № 12179] (http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=71®im=3). Московскому университету право присуждать докторские степени было пожаловано только в 1791 г. указом «О предоставлении Московскому Университету права давать Докторскую степень обучившимся в оном врачебной науке» [Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIII. № 16988] (http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=102®im=3). А право присуждения докторских степеней по юриспруденции было предоставлено ему только в следующем столетии, в ходе образовательных реформ Александра I. О ранней истории присуждения ученых степеней в России см.: [Вишленкова, Ильина, 2013; Иванов, 1994; Андреев, Посохов, 2012. С. 326–388; Ilina, Wiszlenkova, 2013; Ilina, 2014].

⁹ Библиографию работ российских исследователей по ранней истории западноевропейских университетов см. в: [Посвятенко, 2011].

В Средние века и в начале раннего Нового времени звание магистра или доктора не было непосредственно обусловлено научными заслугами. Ученая степень была сродни рыцарскому или монашескому званию, так что возведение в нее понималось в первую очередь как моральная и юридическая трансформация субъекта [Clark, 2006. P. 198]. Результатом такой трансформации было обретение нового социального статуса, сравнимого со статусом низшего дворянства. Обладатель степени как лицо, относящееся к особому сословию ученых мужей, получал определенные привилегии и выделялся среди представителей других сословий своей одеждой¹⁰.

Иерархия ученых степеней (*baccalaureus — licentiate — magister/doctor*) в университетах разных частей Европы была на протяжении столетий схожей¹¹. Высшими являлись степень доктора (на факультетах теологии, права и медицины) и магистра (на факультете философии). Степень доктора философии появилась только в последние десятилетия XVIII в., а переходная степень, лицензиат, дававшая право на преподавание (*Patent*), в большинстве университетов исчезла намного раньше [Kintzinger, 2007]. Схожим был и порядок их присуждения. Первоначально привилегия возводить в звание доктора гражданского права (*doctor legum*) даровалась университетам императорами, а доктора канонического права (*juris canonici doctor*) — папами. Позднее, когда обе ветви права на юридических факультетах были объединены, университеты стали присуждать степень «доктора обоих прав» (*doctor utriusque juris*). Распространившись в позднее Средневековье также на богословие и медицину, степень доктора стала высшей ступенью в академической иерархии¹².

Процедура присуждения докторских и магистерских степеней называлась «диспут на присуждение степени» (*disputatio pro gradu*) или «инаугурационный диспут» (*disputatio inauguralis*). Такой диспут, как и последующая церемония возведения кандидата в ученое звание, представляли собой торжественный ритуал и обычно проходили в дни праздников в специально украшенной главной аудитории университета или в соборе. Помимо самого соискателя и университетских докторов на инаугурационных диспутах присутствовали представители знати, городских властей и кли-

¹⁰ Об эволюции социальной роли докторской степени и порядка ее присуждения в германских университетах до XIX в. см.: [Schwinges, 2012. S. 15–23].

¹¹ Впрочем, в большинстве немецких университетов низшая степень — степень бакалавра — отсутствовала.

¹² Далее в статье понятие «ученая степень» будет обозначать исключительно высшие академические степени: доктора теологии, права и медицины, а также магистра философии, т. е. такие, для присуждения которых требовались диссертация и ее публичная защита.

ра. Торжественный характер присуждения степени был обусловлен важностью этого события для всех трех участвующих в нем сторон: кандидата, факультета университета и ученой корпорации в целом [Chang, 2004. Р. 134, 140–141]. Для кандидата это был момент обретения нового социального статуса и соответствующих прав и привилегий. Для факультета, помимо подтверждения авторитета в ученом мире, — существенное пополнение бюджета. Наконец, для ученой корпорации это было избрание новых членов и к тому же возможность получить вознаграждение и подарки от соискателя. Праздничная церемония по окончании диспута включала торжественное шествие, церковную службу, публичное восхваление кандидата, принесение им докторской клятвы и передачу ему докторских регалий (*insignia doctoralia* — книги, затем кольца, символизирующего брачный союз с музами, перчаток и шапки)¹³. Как подытожил сто лет назад это действие русский историк, «если оставить в стороне разные аксессуары (речи, диспутации, много раз повторяемую присягу), сущность акта возведения в докторство или магистерство состояла в облечении кандидата знаками докторского или магистерского достоинства» [Суворов, 2012. С. 184–185]. По завершении церемонии раздавались звуки музыки и начиналось праздничное застолье (*convivium*), которое, впрочем, тоже имело ритуальный характер, подобно застольям, устраивавшимся в связи с принятием новых членов в средневековый цех или гильдию [Там же. С. 185–187].

Средневековое понимание сущности ученой степени доминировало в университетах вплоть до середины XVIII в. И сама ученая степень как знак общественного признания, и порядок ее присуждения, и социальный статус ее обладателя сильно отличались от сегодняшних¹⁴. Основание этих различий составляет характер общества, неотъемлемой частью которого ученая степень является. В Европе раннего Нового времени знание развивалось в отличном от сегодняшнего культурном контексте: светская наука не имела тогда безусловного авторитета, и ее значимость, а иногда и само ее существование нужно было постоянно отстаивать в спорах с ортодоксальными клириками [Kivistö, 2015]. Последние же убеждали паству, что в своих занятиях ученые движимы не стремлением к высшей божественной истине, а низменными побуждениями: гордыней, честолюбием, желанием обмануть, алчностью с ее неотъемлемыми чертами — словоблудием, плагиатом, бесстыдством, праздным любопытством [Kivistö, 2014]. Когда в последние десятилетия XVIII в. общественный статус знания изменился, главным критерием присуждения докторской степени стала научность.

¹³ О докторских регалиях в Кембриджском университете раннего Нового времени см.: [Stokes, 2009. Р. 38–39].

¹⁴ О сохранении средневекового символического смысла докторской степени в раннее Новое время см.: [Füssel, 2006].

2. Диссертации и их защита между Средневековьем и Новым временем «Сегодня мы называем диссертацией текст, написанный кандидатом на присуждение ученой степени и *viva voce* защищенный перед группой людей (экзаменационным комитетом или научным сообществом университета). Ее форма очевидна — текст, ее автор бесспорен — кандидат. Точно так же не вызывает сомнений ее назначение — получение ученой степени, в большинстве случаев — доктора. Хотя объем и качество диссертаций может различаться, считается, что докторская диссертация должна вносить оригинальный вклад в сокровищницу знаний. Эти ее критерии считаются сегодня самоочевидными» [Chang, 2004. P. 129]. Это емкое определение Ку-Минг Чанга послужит отправной точкой для рассмотрения особенностей диссертаций раннего Нового времени и процедуры их защиты на примерах из истории германских университетов XVII–XVIII вв., где порядок присуждения ученых степеней, как считают, хоть и имел региональные различия и мог варьировать в зависимости от факультета, в целом был схожим [Андреев, Посохов, 2012. С. 333–336].

2.1. Требования к кандидату На получение ученой степени мог рассчитывать далеко не каждый желающий, и эрудиция была лишь одним из требований к соискателю, причем, по-видимому, не всегда главным. Обязательными же были требования юридического, морального и финансового свойства: будущий обладатель степени должен был быть законнорожденным, христианином, не иметь дурной славы, вести добропорядочный образ жизни, быть официально зачисленным в университет (имматрикулирован), проучиться в нем определенное время и иметь предшествующую степень (она могла быть получена в другом университете), оплатить факультету (или университету) за защиту установленную сумму, опубликовать за свой счет диссертацию, произнести торжественную клятву. Юристы конца XVII — начала XVIII в. также полагали, что он должен лично присутствовать на защите и отвечать определенным требованиям в отношении здоровья: не иметь телесных увечий, пребывать в здравом рассудке, а также обладать способностью говорить и быть зрячим [Clark, 2006. P. 197–199].

Безусловно, были и исключения, которые также имели юридическое обоснование. Так, правоведы утверждали, что в особых случаях степень доктора можно присуждать и кандидатам, не проучившимся в университете определенное обычным порядком время и не имеющим предшествующей степени, — *per saltum*¹⁵. Допускалась также возможность присуждения степени без публичной защиты и даже без физического присутствия кандидата —

¹⁵ К началу XVIII в. требование к кандидату проучиться до защиты диссертации некоторое время в каком-нибудь университете стало, по-видимому, более-менее общим [Clark, 2006. P. 201].

*in absentia*¹⁶. Примерно к 1730 г. среди юристов утвердилось мнение, что подобные казусы следует считать вполне легитимными [Clark, 2006. P. 217]. Некоторые также склонялись к мнению, что докторскую степень можно присуждать за ученые заслуги и *post mortem* — в этом случае соответствующие привилегии должны перейти к семье покойного [Clark, 2006. P. 201]¹⁷.

Легализация казусов такого рода позволяла некоторым университетам и факультетам не только награждать степенями влиятельных особ, но и неплохо зарабатывать: защита стоила немалых денег. Например, согласно статуту медицинского факультета Университета Галле 1694 г., за допуск кандидата к экзамену на степень взималось 20 имперских талеров, еще 20 — за «предзащиту» (*examen rigorosum*), 4 — за составление программы инаугурации, 10 имперских талеров составлял гонорар председательствующему (*praeses*) и т. д. [Chang, 2004. P. 141]. Как считают сегодня исследователи, в середине XVIII в. в немецких, и особенно в прусских, университетах за хорошие деньги докторская степень вполне могла быть присуждена не только без защиты, но даже и без зачисления кандидата в университет. Распространение практики продажи ученых степеней и падение их престижа они связывают со снижением статуса и сокращением привилегий аристократии как категории населения, к которой имел основания относить себя тот, кто получил степень доктора [Ibid. P. 165].

В Средние века в условиях ограниченного распространения письменного слова понятия «искусство рассуждать» (*ars disserendi*) и «искусство спорить» (*ars disputandi*) использовались как синонимы и предполагали устное изложение мнений [Ibid. P. 129]. Соответственно нераздельны были и понятия *dissertatio* как предмет обсуждения и *disputatio* как его форма. В привычном нам виде, т. е. как научный труд, *dissertatio* долгое время не существовала, а тезисы, выносимые на защиту, могли быть написаны от руки и затем зачитаны перед участниками диспута. Когда же в конце XVII — первой половине XVIII в. для присуждения ученой степени стал требоваться предварительно опубликованный текст, *dissertatio* и *disputatio* в его названии выступали как взаимозаменяемые синонимы [Chang, 2004. P. 129; Freedman, 2010. S. 98–99]¹⁸.

2.2. Disputatio и dissertatio

¹⁶ Присуждение степени *in absentia* предполагало, что кандидат пришлет клятву в письменном виде по почте [Clark, 2006. P. 200]. Практика присуждения степени *in absentia* в германских университетах постепенно исчезла в первой половине XIX в. [Rasche, 2007b].

¹⁷ Присуждение ученой степени *post mortem* и сегодня узаконено в некоторых университетах. См., например: <http://www.tacoma.uw.edu/uwt/enrollment-services/procedure-awarding-posthumous-degrees-university-washington-tacoma>

¹⁸ Поскольку словом *disputatio* (диспут) называлось также и устное испыта-

Поскольку на протяжении столетий главной в университетском преподавании была устная форма передачи знаний, диспуты занимали в нем важное место и, как и лекции, использовались при обучении всем наукам на всех уровнях¹⁹. Задача диспута заключалась в том, чтобы закрепить и углубить «канонические» знания о Священном Писании, церковном и римском праве, учениях Аристотеля и Галена, других общепризнанных авторитетов, священной истории и т. д., полученные на лекциях. Наиболее очевидным признаком успеха студента в учебе считалось его умение вести устные дебаты, следуя требованиям аристотелевой логики, на протяжении столетий составлявшей основу образования на подготовительных философских факультетах²⁰. Высшей же формой университетских дебатов для студентов считался диспут на присуждение ученой степени, выполнявший роль итогового экзамена²¹.

До XVII в. практика *disputatio pro gradu* существовала в университетах, по-видимому, только для степени бакалавра, присуждение более высоких степеней не было четко регламентировано [Clark, 2006. P. 203]. Когда же инаугурационный диспут распространился на высшие степени, установился порядок, предписывающий его участникам определенные роли. Формально в диспуте участвовали две стороны: соискатель (*respondens*), защищавший суждения, представленные на суд собравшихся, и оппоненты (*opponentes*) — университетские доктора, которым надлежало эти положения оспаривать. В ходе диспута соискатель должен был продемонстрировать понимание его предмета, умение разъяснить выдвинутые тезисы, подкрепить их мнениями авторитетных авторов, рассеять сомнения и неясности относительно их содержания, которые могли возникнуть у оппонентов,

ние кандидата, чтобы избежать путаницы, в дальнейшем я буду использовать слово «диссертация» (*dissertatio*) для обозначения письменного текста, а «диспут» (*disputatio*) — для обозначения процедуры защиты.

- ¹⁹ Значимость диспута как устной формы распространения знания в Средние века была настолько велика, что по его модели выстраивались и письменные жанры. Классическим примером такого рода можно считать «Сумму богословия» Фомы Аквинского [Ong, 1982. P. 95].
- ²⁰ «Канонический» корпус университетского знания в условиях Реформации, развития эмпирического знания и государственного законодательства претерпевал изменения, менялись и требования к содержанию диссертаций, однако процедура инаугурационного диспута трансформировалась медленно. И немецкие авторы полемических трактатов вплоть до XVIII в. строили их, следуя канону устного диспута [Chang, 2004. P. 144–145].
- ²¹ Экзамен этот носил название инаугурационного (*inauguralis*), поскольку успешно сдавший его обретал новый для него статус члена ученой корпорации, легитимированный присутствовавшими и участвовавшими в диспуте университетскими докторами и отмеченный соответствующими регалиями.

и в итоге, следуя правилам диалектики, доказать их истинность. Задача оппонентов состояла в том, чтобы, опять-таки следуя правилам диалектики, указать на ошибочность тезисов, вынесенных на обсуждение, невнятность их изложения, на содержащиеся в них противоречия или даже откровенные глупости. Однако на практике дело обстояло сложнее.

В старопечатных книгах сохранились изображения, дающие возможность понять, кто, помимо соискателя и оппонентов, участвовал в диспуте. На одной из гравюр 1641 г. мы видим большой университетский зал, в центре которого находится подиум (*cathe-dra*). На подиуме на возвышении располагается председательствующий (*praeses*), а ниже — соискатель (*respondens*). Перед ними на скамьях сидят доктора-оппоненты (*opponentes*), а сзади и по бокам на специально отведенных местах — особо важные персоны [Ibid. P. 205].

Положение председательствующего над всеми присутствующими явно свидетельствует о его особой роли в происходящем. Как недавно установили исследователи, эта роль действительно была исключительно важной, а нередко и определяющей исход диспута. *Praeses* не только следил за соблюдением установленного порядка дискуссии и объявлял ее итоги, но и в большинстве случаев составлял тезисы, которые защищал соискатель (т. е. *dissertatio*), а также при необходимости помогал ему с ответами в ходе дебатов²². На протяжении нескольких десятилетий *praeses* был главным действующим лицом диспута — до тех пор, пока в последние десятилетия XVIII в. не сформировалась новая процедура защиты. К началу же следующего столетия функции *praeses* трансформировались в обязанности научного руководителя соискателя [Ibid. P. 238]²³.

Исторически изменения в процедуре защиты шли рука об руку с изменениями текста диссертации, прежде всего с увеличением ее объема. Со второй половины XVII в. диссертации из выносимых на обсуждение кратких тезисов, занимавших всего несколько страниц, превратились в небольшие ученые трактаты, в которых находилось место не только развернутой аргументации, но и приложениям, а также славословиям в адрес сановных покровителей. Такие диссертации уже невозможно было, как раньше, зачитывать в аудитории перед началом диспута. Поскольку главное внимание с устного слова переносилось теперь на текст, пространная

**2.3. От *disputatio*
к *dissertatio*,
от устного слова
к письменному**

²² Латинский глагол *praesideo*, от которого происходит *praeses*, помимо «восседать впереди», «председательствовать», означает также «защищать», «охранять». В некоторых германских университетах с конца XVII в. диспуты происходили без *praeses*, однако такие университеты, по-видимому, составляли меньшинство.

²³ Подробный анализ трансформаций диспута в XVIII в. см в: [Marti, 2010].

вступительная речь соискателя и последующие продолжительные дебаты становились ненужными. Со второй половины XVIII в. начала складываться новая процедура защиты: главными в ней теперь стали выступления оппонентов, предварительно ознакомившихся с текстом диссертации, и ответы на них соискателя. Роль же председательствующего становилась чисто организационной. Диссертация, опубликованная и распространенная заранее, приобретала самостоятельное значение, превращаясь в полноценный научный труд, не требующий пространных устных пояснений [Chang, 2004. P. 154]. Таким образом, письменная диссертация родилась из устного диспута на присуждение ученой степени [Clark, 2006. P. 204].

То обстоятельство, что в научном дискурсе раннего Нового времени письмо потеснило устную речь, стало одним из условий появления диссертаций современного типа. А признание культурой Просвещения человеческого разума в качестве высшего мерила истины способствовало превращению их из комментариев к корпусу канонических идей в источник новых научных знаний. И в последующие десятилетия именно научное содержание опубликованных и защищенных диссертаций стало важным критерием оценки уровня не только молодых ученых, но и научных школ, факультетов и университетов [Chang, 2004. P. 155–156].

2.4. Диссертация: форма и структура

В качестве примера ранней, еще рукописной диссертации иногда приводят знаменитые 95 тезисов доктора Мартина Лютера, предназначавшиеся, правда, не для инаугурационного, а для общеуниверситетского диспута (который, как мы знаем, так и не состоялся). Составив и «опубликовав» их, Лютер собирался доказывать их истинность в качестве *praeses*. Ответчиком, *respondens*, должен был быть кто-то из его учеников [Ibid. P. 145, 147]. Самые ранние из известных нам печатных диссертаций, предназначавшихся для инаугурационных диспутов, представляли собой просто объявления о защите (впоследствии эти объявления трансформировались в диссертационные титульные листы) [Ibid. P. 147]. Практика публикации таких диссертаций утвердилась в германских университетах с середины XVII в. Первоначально они назывались «диспут» (*disputatio*), но вскоре почти повсеместно получили привычное название «диссертация» (*dissertatio*). Издавались диссертации обычно *in quarto* и имели титульный лист с указанием темы, университета, имени *praeses*, имени *respondens*, места и времени защиты и типографии, в которой были напечатаны. В середине XVIII в. они обычно были объемом от 20 до 100 страниц. Структура диссертации могла быть различной: просто перечень тезисов, или же развернутое исследование какой-то темы с приведением примеров и суждений других авторов, или что-то среднее между этими двумя вариантами.

Из сохранившихся документов того времени мы можем узнать и об их тиражах. Так, статут об основании медицинского факультета Геттингенского университета 1737 г. определял, что из общего количества напечатанных экземпляров диссертации 20 следовало предоставить королю и его правительству в Ганновере, 7 — факультету, 10 — председательствующему на защите *praeses* и 6 — другим профессорам факультета, очевидно, *opponentes*. Понятно, что соискатель заказывал в типографии еще сколько-то экземпляров дополнительно: для своих патронов, коллег, друзей, семьи и др. Таким образом, общий тираж должен был составлять не менее 50 экземпляров. А если учесть, что некоторые диссертации, особенно те, где на титульных листах в качестве *praesides* значились имена известных профессоров, продавались в книжных магазинах, тиражи могли быть и больше [Ibid. P. 157].

Конечно, формированию современных представлений о докторской диссертации способствовал не только быстрый рост книгопечатания, но и существенные трансформации академической культуры в целом, в частности утверждение в ней превосходства письменного текста над устным диспутом, признание соискателя в качестве единоличного автора диссертации и требование оригинальности ее содержания. Эти трансформации привели к тому, что уже с середины XVIII столетия в некоторых немецких, в особенности прусских, университетах место инаугурационного диспута как главного способа оценки кандидата заняла написанная им диссертация. Упадку диспута способствовало также введение новых испытаний для соискателя, санкционированных государством: экзамена, предваряющего защиту и призванного определить уровень его квалификации (упоминавшийся выше *rigorosum*), а также постдокторских экзаменов на получение лицензий для медиков, юристов и служащих. К тому же, чтобы занять профессорское место, магистрам и докторам в некоторых университетах предстояло выдержать еще один экзамен — *disputatio pro loco* [Clark, 2006. P. 203–204].

Среди вопросов, связанных с порядком присуждения ученых степеней в раннее Новое время, один из наиболее обсуждаемых — вопрос об авторстве диссертаций [Freedman, 2010. S. 109–110]. Трудности, с которыми сталкиваются историки при поиске ответа на него, состоят не только в том, что в рассматриваемый период еще не существовало четких определений авторства и законодательной регламентации авторского права, но и в отсутствии в культуре того времени самоочевидных для нас представлений об авторе как о конкретном человеке, который является единственным создателем произведения, обладает исключительными правами на его содержание и несет за него

3. Авторы диссертаций

ответственность²⁴. Сказанное в полной мере относится и к таким специфическим произведениям, как диссертации. Чтобы понять, что они собой представляли в XVII–XVIII в., в чем заключаются трудности определения их авторства и какую роль оно играло в процедуре присуждения ученых степеней, рассмотрим поближе один случай — *Dissertatio de plagio literario*.

3.1. *Dissertatio de plagio literario*

6 августа 1673 г. на философском факультете Лейпцигского университета состоялась публичная защита диссертации «О литературном воровстве», т. е. о плагиате. Ее текст в соответствии с установленным порядком был напечатан в одной из местных типографий и, по-видимому, предварительно роздан всем, кому полагалось ее получить по университетскому регламенту. На титульном листе вверху указан жанр публикации — *dissertatio philosophica*, после чего крупными буквами идет название — *De plagio literario*²⁵. Затем немного более мелким шрифтом — имя *praeses*, Якоба Томазия (*Jacobus Thomasius*) с подробным перечнем его титулов. Дальше указывается место и время проведения диспута и лишь после этого — имя соискателя, которому надлежало публично отвечать на вопросы представителей ученого сообщества (*publice respondendo tuebatur*), — Иоанна Михаэля Рейнеля (*Johann Michael Reinelius*). В самом низу титульного листа значится место издания и имя владельца типографии (*Lipsiae, Sumptibus Christoph. Enoch. Buchta*). Ничего исключительного в оформлении этого титульного листа нет, его можно смело назвать типичным для того времени. Что отличает *De plagio literario* от других современных ей диссертаций, так это ее объем, превышающий средний в несколько раз и составляющий без малого 280 страниц.

Примечательно также и то, что в конце XVII в. она имела немалый читательский успех. Спустя шесть лет после защиты Рейнеля, в 1679 г., в той же лейпцигской типографии *De plagio literario* вышла вторым дополненным изданием²⁶. Теперь на форзаце книги был помещен большой гравюрный портрет Томазия, датированный 1674 г., а к первоначальному тексту прибавлены шесть

²⁴ Историки давно убедились в том, что автор — это не вневременное явление, а изменчивый продукт конкретных социокультурных контекстов, и что в эпохи, предшествующие современной, авторство понималось существенно иначе, чем сейчас. См. два пионерных исследования французских историков: [Chenu, 1927; Шартье, 2006. С. 44–77].

²⁵ Факультативные сведения, также присутствующие на титульном листе, я опускаю для краткости. С диссертацией можно ознакомиться по ссылке: http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb10528689_00005.html

²⁶ <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/WYOESNQJD55BG5LPKMYKLB6FMXXTRA>

дополнений, занимающих 72 страницы. На шмуцтитуле, предвещающем эти дополнения, значится: «К диспуту м[агистра] Якоба Томазия „О литературном воровстве“ прибавления» (*Ad Disputationem M[agistri] Jacobi Thomasii De plagio literario accessiones*). То есть диссертация, защищенная в 1673 г. Рейнелем, называется здесь диспутом, в качестве автора дополнений назван Томазий, а имя Рейнеля не упоминается вовсе. Еще через 13 лет, в 1692 г., это второе издание точно воспроизводится уже в другой, йенской, типографии²⁷. Титульные листы этих двух переизданий не претерпели никаких изменений по сравнению с первой публикацией диссертации 1673 г.

Неизменным остается и ее содержание — использующее схоластические методы аргументации подробное разъяснение читателю, что такое литературное воровство. Плагиат определяется в ней как сознательное сокрытие имени подлинного автора приводимого писателем текста, т. е. как частный случай обмана. У каждой категории людей грехи свои, пишет далее автор, этот же, специфический, присущ исключительно писателям и ученым. Вслед за Аристотелем, указывавшим на четыре причины, присутствующие в каждой вещи неразлично и тождественно с ней, автор диссертации разъясняет четыре причины плагиата: движущую (*causa efficiens*), целевую (*causa finalis*), материальную (*causa materialis*) и формальную (*causa formalis*). На этой основе строятся различные классификации литературного воровства и приводятся многочисленные примеры каждой его разновидности, почерпнутые из сочинений древних и новых авторов.

Успеху диссертации у читающей публики, по-видимому, способствовали как общий интерес тогдашнего ученого мира к теме (в морально-философских и полемических трактатах XVII в. рассматривались различные виды плагиата, его сравнивали с воровством и на разные лады подвергали осуждению [Kivistö, 2014. P. 118]), так и научные достоинства произведения, в частности приведенные в нем многочисленные примеры из трудов известных авторов. Во всяком случае, вышедшее в 1706 г. в Лейпциге с предисловием известного теолога Иоганна Франца Будде сочинение профессора университета Кобурга Иоганна Конрада Шварца не только фактически повторяло ее название, но и приводило из нее пространные цитаты²⁸. Кроме названных, причиной популярности *De plagio literario*, по-видимому, было и имя ее *praeses* — известного ученого-педагога, филолога и философа-аристотелика, профессора риторики и моральной филосо-

²⁷ <https://download.digitale-sammlungen.de/pdf/1435304743bsb10651067.pdf>

²⁸ Оно имело заглавие *De plagio literario liber unus*. См. https://books.google.ru/books?id=CHBEAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.

фии Лейпцигского университета, а позднее ректора знаменитой Школы Святого Фомы²⁹.

Но кто был автором этой диссертации, успешно защищенной на философском факультете Лейпцигского университета 6 августа 1673 г. Рейнелем? Никаких документальных свидетельств, которые дали бы возможность определенно ответить на этот вопрос, похоже, не сохранилось. Тем не менее историки практически единодушно считают, что это был председательствовавший на защите Томазий, а вовсе не Рейнель, получивший за защиту ее положений степень магистра философии. И такой их вывод представляется вполне убедительным: труд, демонстрирующий виртуозное владение аристотелевой логикой и великолепное знание сочинений десятков авторов, начиная с древних и заканчивая современными, вряд ли мог написать безвестный студент³⁰.

Случай с авторством *De plagio literario* вовсе не является исключительным. Историки имеют достаточно оснований считать, что вплоть до середины XVIII в. диссертации чаще всего писали университетские профессора, председательствовавшие на диспутах в качестве *praesides* [Chang, 2004. P. 129], и что за написание диссертаций они, возможно, получали от кандидата отдельную плату [Ibid. P. 151]. Чтобы понять, почему такая практика не считалась обманом, рассмотрим в общих чертах требования, предъявлявшиеся к соискателю степени в ходе диспута.

В первую очередь соискатель должен был продемонстрировать свое понимание содержащихся в диссертации авторитетных мнений Аристотеля, Галена, Плиния и других ученых древности и современности, а также суждений *praeses*, который чаще всего являлся ее автором. Ни в ответах соискателя оппонентам, ни в самой диссертации не требовалось высказывать оригинальные суждения [Ibid.]³¹. То есть, чтобы получить степень, соис-

²⁹ Томазий был среди ученых, первыми объявивших, что диссертация должна представлять собой не краткие тезисы для обсуждения, а самостоятельный научный трактат.

³⁰ Впрочем, в сегодняшних библиотечных каталогах единодушия по поводу того, кого следует считать автором диссертации, нет. В большинстве случаев называются оба имени, причем в разном порядке: чаще всего Томазий и Рейнель, но встречается также Рейнель и Томазий. И совсем редко — один Рейнель. В каталоге Библиотеки Конгресса издание 1679 г. значится под именем Томазия, к которому сделано уточняющее прибавление *praeses*, Рейнель же обозначен в нем в разделе *related names* как *respondent*. Однако издание 1692 г. описано здесь как сочинение Рейнеля, а Томазий значится в нем как *praeses* в разделе *related names*.

³¹ Новизны в содержании диссертаций не требовалось и в более поздний период — в конце XVIII в., когда распространилась практика их написания самими кандидатами по одобренному профессором плану. Главная задача автора состояла не в том, чтобы привнести в мир новое знание,

кателю достаточно было отстоять правоту положений, автором которых он не являлся. Главным же «квалификационным требованием» к будущему доктору или магистру, помимо демонстрации осведомленности о содержании диссертации, было умение отвечать на каверзные вопросы оппонентов и уверенно держаться на публике. Сильно упрощая, можно сказать, что *praeses*, сочиняя диссертацию, готовил и «экзаменационные вопросы» [Ibid.], а соискатель ученой степени устно отвечал на них перед «комиссией» (в случае необходимости *praeses* мог ему помогать).

В некоторых университетах инаугурационные диспуты происходили настолько часто, что профессора не успевали писать для них диссертации. Так, по подсчетам Ку-Минг Чана, один из профессоров медицинского факультета университета в Галле за 20 лет работы (речь идет о конце XVII — начале XVIII в.) был руководителем диссертаций у 159 студентов. Если в среднем объем диссертации составлял 50 страниц и диссертации на защитах не повторялись (хотя известно, что такие случаи бывали), то каждый год ему приходилось сочинять примерно 400 страниц печатного текста *in quarto*, т. е. солидный том. А поскольку профессора должны были еще читать лекции, проводить студенческие диспуты, сочинять ученые трактаты, заседать на университетских собраниях, времени на написание диссертаций у них оставалось не так много [Ibid. P. 153]. Правда, поскольку оригинальности в содержании этих работ не требовалось, профессор мог варьировать в разных диссертациях сформулированные ранее тезисы.

Если сопоставить количество диссертаций, защищенных в германских землях в XVIII в., с численностью работавших в них профессоров, становится очевидным, что последние чисто физически не смогли бы произвести на свет такое количество текстов. Очевидно, какую-то их часть писали сами соискатели, но вряд ли очень значительную. Существовали еще и сторонние авторы — скорее всего, это были *eruditi viri*, имевшие ученые степени, но не получившие университетских должностей. Во всяком случае, историки говорят о существовании в Германии того времени «фабрик диссертаций» (*Dissertation-Fabriken*), предоставлявших богатым и тщеславным широкие возможности купить готовые работы по фиксированным ценам [Chang, 2004. P. 154; Clark, 2006. P. 208]³².

3.2. «Фабрики диссертаций»

а в том, чтобы дать еще одно аргументированное толкование общепризнанных истин.

³² Впрочем, диссертации, независимо от того, кем они были написаны, до диспута должны были получить одобрение соответствующего факультета.

3.3. От профессорских диссертаций к диссертациям соискателей

Итак, в позднее Средневековье для получения степени магистра или доктора написания диссертации от соискателей обычно не требовалось. Стоявшая перед ними задача сводилась к тому, чтобы в ходе диспута максимально убедительно защитить правоту тезисов, сформулированных профессорами. По-другому и быть не могло, поскольку считалось, что студент просто не в состоянии сочинить ничего заслуживающего внимания ученого сообщества. Даже в XVIII в. самостоятельное написание диссертации студентом могло рассматриваться как вызов этому сообществу. Когда же к концу столетия студенческие диссертации начали вытеснять профессорские, профессора стали жаловаться на снижение их научного качества [Rasche, 2007a. S. 198].

Согласно статуту Марбургского университета 1653 г.³³ писать диссертации на богословском факультете надлежало председательствующим на защите *praesides*; самим же студентам делать этого не дозволялось (*Ipsi praesides conscribant disputationes: studiosis ne permittant scribendas*)³⁴. При наличии веской причины исключение могли составлять студенты, проучившиеся в университете длительное время и продемонстрировавшие основательность полученных знаний, — и то лишь по разрешению факультета (*nisi forte ex singulari eaque gravi causa veteranis, quorum probe perspecta est eruditio, hac parte aliquid de facultatis consensu concedendum iudicetur, idque etiam non crebro*)³⁵. Приоритетность авторства профессоров находит подтверждение и в более поздних источниках. Так, упомянутый выше профессор медицины университета Галле в конце своей жизни (умер в 1734 г.) сообщал, что большинство защищенных под его руководством диссертаций было написано им самим, остальные — студентами по его плану [Chang, 2004. P. 152].

Преобразование соискателей в единоличных авторов диссертаций не было линейным процессом: в одно и то же время и в одном и том же университете автором мог быть и профессор, и студент. Обратимся к двум примерам диссертаций начала XVIII в., которые приводит У. Кларк [Clark, 2006. P. 208–210]. Особенность их состоит в том, что на титульных листах обеих помимо традиционных имен председательствующего (*praeses*) и соискателя (*respondens*) присутствует указание авторства (*auctor*). Причем

³³ Здесь и далее цит. по: [Hörn, 1893. S. 59].

³⁴ С конца XVII в. в некоторых университетах диспуты происходили без *praeses*. Однако это не обязательно означало, что ответственность за содержание защищаемой диссертации кандидат нес единолично: она могла быть написана одним из профессоров университета либо кем-то еще [Chang, 2004. P. 151].

³⁵ На юридическом и медицинском факультетах ограничения для авторства студентов были менее строгими: *Studiosis, cum primis veteranis, ut disputationes ipsimet conscribant, eisdem a Praeside et Decano Facultatis approbatas imprimi eurent, permittitor.*

в обоих случаях автором выступает один и тот же человек, Иоганн Тшантер (Johann C. Tschanter): в первой он значится как соискатель и автор (*respondens et auctor*), во второй — как автор и председательствующий (*auctor atque praeses*).

Первая диссертация, *De eruditis studiorum intemperie mortem sibi accelerantibus, dissertatio I, eaque historica* («Об ученых, которые ускорили свою смерть чрезмерными занятиями. Часть I, историческая»)³⁶, была представлена на суд докторов и магистров Лейпцигского университета в октябре 1704 г.³⁷ Имя *praeses*, Готтфрида Беттнера (Gottfried Boettner), стоит на титульном листе отдельно, что, скорее всего, означает, что он не участвовал в написании работы³⁸. Вторая диссертация — *De eruditis studiorum intemperie mortem sibi accelerantibus, dissertatio II, eaque physica* («Об ученых, которые ускорили свою смерть чрезмерными занятиями. Часть II, физическая»)³⁹ — была защищена там же 30 декабря следующего, 1705 г., но уже под председательством магистра Тшантера, причем он был не только председательствующим, но и автором работы (*auctor atque praeses*)⁴⁰. В качестве соискателя степени (*respondens*) на титульном листе значится некий Иоганн Христофор Вольф (Johann C. Wolf). Но поскольку автором этой диссертации назван Тшантер, можно с большой долей уверенности предположить, что этот Вольф никакого участия в написании диссертации не принимал и, как и большинство других соискателей, получил ученую степень лишь за устное отстаивание ее положений в ходе диспута.

На то, что автором обеих диссертаций был именно Тшантер — сначала в качестве *respondens*, потом *praeses*, — указывает и их содержание: фактически это одно сочинение в двух частях. И все же нельзя полностью исключить вероятность того, что их написал неизвестный труженик одной из «фабрик диссертаций».

Главные социальные, культурные и интеллектуальные перемены, способствовавшие появлению ученой степени современного типа, по мнению большинства исследователей, произошли во второй половине XVIII в. В результате этих перемен «герои-

4. Рождение современной ученой степени

³⁶ http://reader.digitale-sammlungen.de/en/fs1/object/display/bsb10642361_00002.html

³⁷ Тшантер получил степень бакалавра только 1 декабря 1703 г. [Clark, 2006. P. 208].

³⁸ На amazon.com (факсимильное издание 2011 г.) Готтфрид Беттнер представлен как автор (*author*), а Иоганн Тшантер — как создатель (*creator*).

³⁹ http://reader.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb11173314_00001.html

⁴⁰ Тшантер получил степень магистра 5 мая 1705 г. [Clark, 2006. P. 208].

ческий театр» устного диспута уступил место прозаической процедуре публикации научного труда, а соискатель из толкователя чужого сочинения превратился в самостоятельного создателя научного текста [Clark, 2006. P. 208]⁴¹. Этому во многом способствовали развитие книгопечатания и идеология Просвещения, придавшая научному знанию мощные рациональные и секулярные импульсы. В результате на смену старому понятию доктора как обладателя определенного морального и юридического статуса пришло понятие доктора как автора диссертации и создателя нового научного знания. Теперь важнейшими критериями присуждения высшей ученой степени стали собственные мысли соискателя, а не повторение чужих, умение спорить и хорошо держаться на публике. Что касается прежних привилегий представителей ученого сословия, то они постепенно отмирали с наступлением новой эпохи, провозгласившей равенство всех перед законом⁴².

Утратили свое символическое значение и сопутствующие диспуту торжественные ритуалы, постепенно трансформируясь в чисто бюрократические процедуры. В австрийских университетах к 1785 г. были отменены клятвы докторов, со времен Средневековья являвшиеся обязательной частью инаугурационных церемоний. А в Баварии с 1804 г. помимо отмены большинства клятв упразднены и церемониальные докторские одежды [Ibid. P. 202]. С XIX в. в германских университетах от кандидата вместо принесения клятвы в том, что он законнорожденный, начали требовать собственноручно подписанное заверение в том, что он является автором диссертационного труда [Ibid. P. 210].

В начале XIX в. новые требования к обладателю докторской степени сформулировал И. Г. Фихте в своем плане создания высшего учебного заведения в Берлине [Fichte, 2010]. В нем философ особо подчеркивал, что помимо сдачи экзаменов кандидату — Фихте говорил о соискателе степени доктора философии, но его требования были универсальными — необходимо *самолично* написать диссертацию, а затем публично защитить ее основные положения перед комиссией. Причем содержание диссертации, по Фихте, следовало оценивать не только с точки зрения эрудиции автора и его усердия — само по себе произведение должно было быть под стать совершенному творению средневекового ремесленника.

⁴¹ По мнению Кларка, окончательный перенос авторства диссертации от *praeses* к *respondens* завершился к 1800 г. [Clark, 2006. P. 238].

⁴² Прежние привилегии сменились преференциями, основанными на меритократическом критерии: после национализации образования в германских государствах ученое звание получает официальное признание и становится важным преимуществом при получении государственных должностей [Ibid. P. 202, 203].

Новое представление о научном знании, а также возникшая в эпоху романтизма идея человека как единственной в своем роде и неповторимой личности породили также требование оригинальности выдвигаемых на защиту произведений⁴³. Фихте, правда, считал, что тему диссертации в большинстве случаев должен предлагать соискателю его наставник, но он также был убежден, что этот наставник не должен занимать место председательствующего в ходе защиты. Итак, согласно новым представлениям об ученой степени, вскоре реализованным в деятельности вновь созданного Берлинского университета, главными критериями ее присуждения стали интеллектуальные заслуги кандидата, продемонстрированные в его диссертации [Clark, 2006. P. 169].

Практическую реализацию этих идей относят к более позднему периоду: к середине — второй половине позапрошлого века⁴⁴. Впрочем, единодушия по поводу исторического момента, когда современное понимание сути докторской степени стало нормой, нет. Единственное, в чем сходятся исследователи, — так это в том, что процесс ее рождения был долгим и трудным. А в качестве доказательства они указывают на то, что еще в 1876 г. знаменитый историк, профессор того же Берлинского университета Теодор Моммзен с негодованием писал о существовании в Германии «фабрик», которые производят «псевдодокторов» [Mommsen, 1905. S. 402–409].

* * *

После сказанного об ученых степенях раннего Нового времени и отличиях процедуры их присуждения от принятой сегодня пора спросить: а следует ли считать их фальшивыми? Иначе говоря: стоит ли предъявлять сегодняшние научные и нравственные требования к их обладателям, содержанию защищенных диссертаций, авторам этих диссертаций, процедуре инаугурационного диспута, председательствовавшим на нем, выступавшим в качестве оппонентов, а также университетам и ученому миру того времени в целом? Что касается научных требований, то ответ представляется достаточно очевидным: конечно, нет — слишком непохожими на современные были тогдашние наука и научное сообщество⁴⁵.

⁴³ Фихте выдвинул это требование к ученому в своем труде «О природе ученого» [Fichte, 1806].

⁴⁴ По мнению У. Кларка, ментальность современного академического сообщества сложилась в период с 1770-х по 1830-е годы [Clark, 2006. P. 220]. Однако формирование современных представлений об ученой степени относят лишь ко второй половине XIX в. [Schwinges, 2012. S. 20].

⁴⁵ Об историко-культурных особенностях научного знания XVIII в. см.: [Porter, 2003].

Менее очевидна нравственная сторона дела, и прежде всего вопрос с покупкой соискателями диссертаций, написанных третьими лицами. Считалась ли такая покупка тогда, как сейчас, откровенным подлогом? Скорее всего, нет. Ведь тогда, в отличие от сегодняшнего дня, из нее не делали большой тайны. К тому же от будущих магистров и докторов и не требовалось, чтобы они были авторами защищаемых работ. С осуждением современниками практики покупки/продажи магистерских и докторских степеней тоже далеко не все ясно. Что имелось в виду? Ведь проведение инаугурационного диспута предполагало уплату кандидатом университету немалой суммы. В этом смысле он «покупал» свою степень, даже если сам был автором диссертации и без помощи *praeses* отвечал на каверзные вопросы оппонентов. Смущало ли критиков то, что диспут превратился в формальную процедуру? Или что, заплатив сверх установленной суммы, соискатель покупал благосклонность *praeses* и оппонентов? Или же современники имели в виду случаи, когда деканы факультетов просто ставили в магистерских и докторских дипломах свои подписи, а университетские нотариусы заверяли их печатями? А может быть, речь шла об «облегченных» формах присуждения степеней — *per saltum* и *in absentia*? Пытаясь найти ответы на все эти вопросы, нельзя забывать еще и о том, что в Европе раннего Нового времени продавались не только ученые степени, но и государственные должности, дворянские титулы, отпущения грехов, причем делалось это отнюдь не тайно. Практика эта, правда, вызывала осуждение определенной части общества, но все же не считалась преступным обманом. Более того, у другой его части она, напротив, находила поддержку⁴⁶.

Да и с плагиатом в диссертациях дело обстояло неоднозначно. Хотя университетские профессора, как мы видели, осуждали его как порочную практику и, случалось, обвиняли в нем своих коллег, нам не известны случаи, когда «литературное воровство» имело для кого-то из них серьезные последствия, не говоря уже о судебных разбирательствах. Что же касается плагиата в диссертациях, то если он и обнаруживался, это не привлекало общественного внимания. Похоже, всеобщее осуждение и целенаправленная борьба с диссертационным плагиатом относятся к явлениям сравнительно недавнего времени.

Сказанное, конечно, не следует понимать так, что фальшивых ученых степеней в XVIII в., в отличие от сегодняшнего дня, не существовало или что они были редкостью. Просто сама «фальшивость» понималась тогда иначе.

⁴⁶ В качестве примера, относящегося к более раннему периоду, можно привести практику продажи индульгенций — ее правомерность католическая церковь обосновывала учением о сверхдолжных добрых делах, и ее беспощадно критиковали Лютер и его сторонники.

Литература

1. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009.
2. Андреев А. Ю., Посохов С. И. (ред.) Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX в. М.: РОССПЭН, 2012.
3. Вишленкова Е. А., Ильина К. А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обрела научную и практическую значимость//Новое литературное обозрение. 2013. Т. 122. № 4. С. 84–107.
4. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в. — 1917 г. М.: Институт российской истории РАН, 1994.
5. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
6. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 10: Служебные документы. Письма. 1734–1765 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
7. Нехаева С. В. Университеты // Культура Возрождения. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 2. Кн. 2. С. 364–371.
8. Пенчко Н. А. (сост.) Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в. Т. 3. М.: Изд-во МГУ, 1963.
9. Посвятенко Ю. В. Проблемы университетского образования в отечественной историографии // Т. А. Молокова (ред.) Очерки истории университетского образования. М.: МГСУ, 2011. С. 15–38.
10. Суворов Н. С. Средневековые университеты. М.: Либроком, 2012.
11. Уваров П. Ю. История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе (спецкурс). М.: ИВИ РАН, 2000.
12. Уваров П. Ю. Университет // Словарь средневековой культуры. М.: РОССПЭН, 2003. С. 544–552.
13. Феофанов А. М. Студенчество Московского университета XVIII — первой четверти XIX в. М.: ПСТГУ, 2011.
14. Шартье Р. Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006.
15. Bengeser G. (1964) Doktorpromotion in Deutschland: Begriff, Geschichte, gegenwärtige Gestalt. Bonn: Verlag Hochschul-Dienst Raabe.
16. Blecher J. (2006) Vom Promotionsprivileg zum Promotionsrecht. Das Leipziger Promotionsrecht zwischen 1409 und 1945 als konstitutives und prägendes Element der akademischen Selbstverwaltung. Diss. phil. Halle-Wittenberg. S. 62–137. <https://www.archiv.uni-leipzig.de/geschichte/universitatsgeschichte/die-universitat-leipzig-im-20-jahrhundert/promotionsrecht-der-universitat-leipzig/>
17. Chang K. (2004) From Oral Disputation to Written Text: The Transformation of the Dissertation in Early Modern Europe // History of Universities. Vol. 19/2. P. 129–187.
18. Chenu M.-D. (1927) Auctor, Actor, Author // Archivium Latinitatis Medii Aevi (Bulletin Du Cange). Vol. 3. P. 81–86.
19. Clark W. (2006) Academic Charisma and the Origins of the Research University. Chicago; London: University of Chicago.
20. Ezell A., Bear J. (2012) Degree Mills: The Billion-Dollar Industry that Has Sold Over a Million Fake Diplomas. Amherst, NY: Prometheus Books.
21. Fichte J. G. (2010) Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt (1807) // Gründungstexte: Johann Gottlieb Fichte, Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, Wilhelm von Humboldt. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin. S. 9–122. http://edoc.hu-berlin.de/miscellanies/g-texte-30372/all/hu_g-texte.pdf
22. Fichte J. G. (1806) Über das Wesen des Gelehrten, und seine Erscheinungen im Gebiete der Freiheit: in öffentlichen vorlesungen, gehalten zu Erlangen, im Sommer-Halbjahre 1805. Berlin: Himbürgischen Buchhandlung.

23. Freedman J. S. (2010) Published Academic Disputations in the Context of Other Information Formats Utilized Primarily in Central Europe (c. 1550 — c. 1700) // M. Gindhart, U. Kundert (Hrsg.) *Disputatio 1200–1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur*. Berlin: De Gruyter. S. 89–128.
24. Füssel M. (2006) *Gelehrtenkultur als symbolische Praxis. Rang, Ritual und Konflikt an der Universität der Frühen Neuzeit*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
25. Gindhart M., Kundert U. (Hrsg.) (2010) *Disputatio 1200–1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur*. Berlin: De Gruyter.
26. Guillaume J. (1911) *Universités. I. Les Universités de l'Ancien Régime* // *Nouveau Dictionnaire de Pédagogie et d'Instruction Primaire*. Paris: Librairie Hachette et Cie. <http://www.inrp.fr/edition-electronique/lodel/dictionnaire-ferdinand-buisson/document.php?id=3764>
27. Hofstetter M. J. (2001) *The Romantic Idea of a University. England and Germany, 1770–1850*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
28. Hörn E. (1893) *Die Disputationen und Promotionen an den Deutschen Universitäten vornehmlich seit dem 16. Jahrhundert. Mit einem Anhang enthaltend ein Verzeichnis aller ehemaligen und gegenwärtigen deutschen Universitäten*. Leipzig: Otto Harrassowitz. https://archive.org/details/bub_gb_gIMYAQAAMAAJ
29. Huber N., Schelling A., Hornbostel S. (Hrsg.) (2012) *Der Dokortitel zwischen Status und Qualifikation. IFQ-Working Paper No 12*. http://www.forschungsinform.de/Publikationen/Download/working_paper_12_2012.pdf
30. Ilina K. A. (2014) *Academic Luck: General and Specific Scenarios of Academic Attestation in Russia in the 1830s*. Higher School of Economics Research Paper No WP BRP 81/HUM/2014. <http://ssrn.com/abstract=2539999> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2539999>
31. Ilina K. A., Wiszlenkova E. A. (2013) *On the Origin of Russian Academic Degrees (First Half of the Nineteenth Century)* // *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. Vol. L. P. 81–96.
32. Kintzinger M. (2007) *Licentia. Institutionalität «akademischer Grade» an der mittelalterlichen Universität* // R. C. Schwinges (Hrsg.) *Examen, Titel, Promotionen: Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert*. Basel: Schwabe & Co AG. S. 55–88.
33. Kivistö S. (2015) *Hieronymus Hirnhaim's «De typho generis humani» (1676) and Scepticism about Human Learning / Acta Conventus Neo-Latini Monasteriensis: Proceedings of the Fifteenth International Congress of Neo-Latin Studies*. Leiden: Brill. P. 326–336.
34. Kivistö S. (2014) *The Vices of Learning: Morality and Knowledge at Early Modern Universities*. Leiden: Brill.
35. Marti H. (2010) *Disputation und Dissertation. Kontinuität und Wandel im 18. Jahrhundert* // M. Gindhart, U. Kundert (Hrsg.) *Disputatio 1200–1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur*. Berlin: De Gruyter. S. 63–88.
36. Mommsen Th. (1905) *Reden und Aufsätze*. Berlin: Weidmann. S. 402–409.
37. Müller R. A. (Hrsg.) (2007) *Bilder — Daten — Promotionen. Studien zum Promotionswesen an deutschen Universitäten der frühen Neuzeit*. Stuttgart: Steiner.
38. Müller R. A. (2001) (Hrsg.) *Promotionen und Promotionswesen an deutschen Hochschulen der Frühmoderne*. Köln: SH-Verlag.
39. Ong W. J. (1982) *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London: Routledge.

40. Porter R. (2003) Introduction // *The Cambridge History of Science*. Vol. 4: Eighteenth-Century Science. Cambridge: Cambridge University. P. 1–20.
41. Prahl H. W. (1978) *Sozialgeschichte des Hochschulwesens*. München: Kösel-Verlag.
42. Rasche U. (2007a) *Die deutschen Universitäten und die ständische Gesellschaft* // R. A. Müller (Hrsg.) *Bilder — Daten — Promotionen*. Studien zum Promotionswesen an deutschen Universitäten der frühen Neuzeit. Stuttgart: Steiner Verlag. S. 150–273.
43. Rasche U. (2007b) *Geschichte der Promotion in absentia*. Eine Studie zum Modernisierungsprozess der deutschen Universitäten im 18. und 19. Jahrhundert // R. C. Schwinges (Hrsg.) *Examen, Titel, Promotionen: Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert*. Basel: Schwabe & Co AG. S. 275–351.
44. Rudy W. (1984) *The Universities in Europe, 1100–1914. A History*. Rutherford, NJ: Fairleigh Dickinson University.
45. Schwinges R. C. (2007) *Examen, Titel, Promotionen: Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert*. Basel: Schwabe & Co AG.
46. Schwinges R. C. (2012) *Promotionen in historischer Perspektive: Organisation und Gesellschaft* // N. Huber, A. Schelling, S. Hornbostel (Hrsg.) *Der Dokortitel zwischen Status und Qualifikation*. Berlin: Institut für Forschungsinformation und Qualitätssicherung. S. 15–23.
47. Stokes H. P. (2009) *Ceremonies of the University of Cambridge*. Cambridge: Cambridge University.
48. Wollgast S. (2001) *Zur Geschichte des Promotionswesens in Deutschland*. Bergisch-Gladbach: Dr. Frank Grätz Verlag.

Fake Academic Degrees in the 18th Century?

Author **Yury Zaretskiy**

Doctor of Sciences in History, Professor, Faculty of Humanities, National Research University — Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russian Federation. Email: yzaretsky@hse.ru

Abstract Analyzing the most recent historical studies and sources dating back to the eighteenth and nineteenth centuries, the article reconstructs the fundamentals of degree awarding practices used in German universities of the Early Modern Period to understand whether they are comparable to present-day degree fraud practices. It examines into the academic degree concepts accepted in the pre-Modern Europe, analyses master's and doctoral theses of the time, discusses the problem of their authorship, and traces back changes in the defense procedure as well as the historical and cultural factors which advanced the development of the modern doctoral degree. As long as social, cultural and intellectual transformations that prompted the emergence of the modern academic degree had only been completed by the beginning of the nineteenth century, the study considers it unreasonable to apply the currently existing academic and ethical criteria to the degree awarding practices of earlier historical periods. It does not mean fake degrees were a rare case or didn't exist at all in the Early Modern Europe — it just means that academic fakeness was understood differently way back then.

Keywords history of education, history of science, history of universities, culture of the Early Modern Period, academic degrees, defense procedure.

- References**
- Andreev A. (2009) *Rossiyskie universitety XVIII — pervoy poloviny XIX v. v kontekste universitetskoy istorii Yevropy* [Russian Universities of the 18th — first half of the 19th Centuries in the Context of the University History of Europe]. Moscow: Znak.
- Andreev A., Posokhov S. (eds) (2012) *Universitet v Rossiyskoy imperii XVIII — pervoy poloviny XIX v.* [The University in the Russian Empire of the 18th — First Half of the 19th Centuries], Moscow: ROSSPEN Publishers.
- Bengeser G. (1964) *Doktorpromotion in Deutschland: Begriff, Geschichte, gegenwärtige Gestalt*. Bonn: Verlag Hochschul-Dienst Raabe.
- Blecher J. (2006) Vom Promotionsprivileg zum Promotionsrecht. Das Leipziger Promotionsrecht zwischen 1409 und 1945 als konstitutives und prägendes Element der akademischen Selbstverwaltung (Diss. phil.), Halle-Wittenberg. Available at: <https://www.archiv.uni-leipzig.de/geschichte/universitatsgeschichte/die-universitat-leipzig-im-20-jahrhundert/promotionsrecht-der-universitat-leipzig/> (accessed 10 January 2016).
- Chang K. (2004) From Oral Disputation to Written Text: The Transformation of the Dissertation in Early Modern Europe. *History of Universities*, vol. 19/2, pp. 129–187.
- Chartier R. (2006) *Pismennaya kultura i obshchestvo* [Written Culture and Society]. Moscow: Novoye Izdatelstvo.
- Chenu M.-D. (1927) Auctor, Actor, Author. *Archivum Latinitatis Medii Aevi (Bulletin Du Cange)*, vol. 3, pp. 81–86.
- Clark W. (2006) *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago; London: University of Chicago.
- Ezell A., Bear J. (2012) *Degree Mills: The Billion-Dollar Industry that Has Sold Over a Million Fake Diplomas*. Amherst, NY: Prometheus Books.

- Feofanov A. (2011) *Studenchestvo Moskovskogo universiteta XVIII — pervoy chetverti XIX v.* [Students of Moscow University in the 18th — First Quarter of the 19th Centuries]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University.
- Fichte J. G. (2010) Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt (1807). *Gründungstexte: Johann Gottlieb Fichte, Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, Wilhelm von Humboldt*. Berlin: Humboldt-Universität zu Berlin, ss. 9–122. Available at: http://edoc.hu-berlin.de/miscellanies/g-texte-30372/all/hu_g-texte.pdf (accessed 10 January 2016).
- Fichte J. G. (1806) *Über das Wesen des Gelehrten, und seine Erscheinungen im Gebiete der Freiheit: in öffentlichen Vorlesungen, gehalten zu Erlangen, im Sommer-Halbjahre 1805*. Berlin: Himbürgischen Buchhandlung.
- Freedman J. S. (2010) Published Academic Disputations in the Context of Other Information Formats Utilized Primarily in Central Europe (c. 1550 — c. 1700). *Disputatio 1200–1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur* (Hrsg. M. Gindhart, U. Kundert), Berlin: De Gruyter, ss. 89–128.
- Füssel M. (2006) *Gelehrtenkultur als symbolische Praxis. Rang, Ritual und Konflikt an der Universität der Frühen Neuzeit*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Gindhart M., Kundert U. (Hrsg.) (2010) *Disputatio 1200–1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur*. Berlin: De Gruyter.
- Guillaume J. (1911) Universités. I. Les Universités de l'Ancien Régime. *Nouveau Dictionnaire de Pédagogie et d'Instruction Primaire*. Paris: Librairie Hachette et Cie. Available at: <http://www.inrp.fr/edition-electronique/lodel/dictionnaire-ferdinand-buisson/document.php?id=3764> (accessed 10 January 2016).
- Hofstetter M. J. (2001) *The Romantic Idea of a University. England and Germany, 1770–1850*. New York, NY: Palgrave Macmillan.
- Hörn E. (1893) *Die Disputationen und Promotionen an den Deutschen Universitäten vornehmlich seit dem 16. Jahrhundert. Mit einem Anhang enthaltend ein Verzeichnis aller ehemaligen und gegenwärtigen deutschen Universitäten*. Leipzig: Otto Harrassowitz Available at: https://archive.org/details/bub_gb_glMYAQAAMAAJ (accessed 10 January 2016).
- Huber N., Schelling A., Hornbostel S. (Hrsg.) (2012) *Der Dokortitel zwischen Status und Qualifikation*. IFQ-Working Paper No 12. Available at: http://www.forschungsinform.de/Publicationen/Download/working_paper_12_2012.pdf (accessed 10 January 2016).
- Ilina K. A. (2014) *Academic Luck: General and Specific Scenarios of Academic Attestation in Russia in the 1830s*. Higher School of Economics Research Paper No WP BRP 81/HUM/2014. Available at: <http://ssrn.com/abstract=2539999> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2539999> (accessed 10 January 2016).
- Ilina K. A., Wiszlenkova E. A. (2013) On the Origin of Russian Academic Degrees (First Half of the Nineteenth Century). *Rozprawy z Dziejów Oświaty*, vol. L, pp. 81–96.
- Ivanov A. (1994) *Uchenye stepeni v Rossiyskoy imperii. XVIII v. — 1917 g.* [Academic Degrees in the Russian Empire of the 18th Century — 1917]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
- Kintzinger M. (2007) Licentia. Institutionalität “akademischer Grade” an der mittelalterlichen Universität. *Examen, Titel, Promotionen: Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert* (Hrsg. R. C. Schwinges), Basel: Schwabe & Co AG, ss. 55–88.
- Kivistö S. (2015) Hieronymus Hirnhaim's “De typho generis humani” (1676) and Scepticism about Human Learning. Proceedings of the *Fifteenth International Congress of Neo-Latin Studies (Münster, 2012)*, Leiden: Brill, pp. 326–336.

- Kivistö S. (2014) *The Vices of Learning: Morality and Knowledge at Early Modern Universities*. Leiden: Brill.
- Lomonosov M. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy. T. 9: Sluzhebnye dokumenty. Letters. 1734–1765 gg.* [Complete Works. Vol. 9: Official Records. Letters. 1734–1765]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
- Lomonosov M. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy. T. 9: Sluzhebnye dokumenty. 1742–1765 gg.* [Complete Works. Vol. 9: Official Records. 1742–1765]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.
- Marti H. (2010) Disputation und Dissertation. Kontinuität und Wandel im 18. Jahrhundert. *Disputatio 1200–1800. Form, Funktion und Wirkung eines Leitmediums universitärer Wissenskultur* (Hrsg. M. Gindhart, U. Kundert), Berlin: De Gruyter, ss. 63–88.
- Mommsen Th. (1905) *Reden und Aufsätze*. Berlin: Weidmann. S. 402–409.
- Müller R. A. (Hrsg.) (2007) *Bilder—Daten—Promotionen. Studien zum Promotionswesen an deutschen Universitäten der frühen Neuzeit*. Stuttgart: Steiner.
- Müller R. A. (Hrsg.) (2001) *Promotionen und Promotionswesen an deutschen Hochschulen der Frühmoderne*. Köln: SH-Verlag.
- Nekhaeva S. (2011) University [Universities]. *Kultura Vozrozhdeniya. Entsiklopediya*. [The Culture of Renaissance. Encyclopedia], Moscow: ROSSPEN Publishers, vol. 2, book 2, pp. 364–371.
- Ong W. J. (1982) *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word*. London: Routledge.
- Penchko N. (ed.) (1963) *Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroy poloviny XVIII v. T. 3* [Documents and Records on the History of Moscow University of the Latter Half of the 18th Century. Vol. 3]. Moscow: Moscow State University.
- Porter R. (2003) Introduction. *The Cambridge History of Science. Vol. 4: Eighteenth-Century Science*. Cambridge: Cambridge University, pp. 1–20.
- Posvyatenko Y. (2011) Problemy universitetskogo obrazovaniya v otechestvennoy istoriografii [The Problems of University Education in Russian Historiography]. *Ocherki istorii universitetskogo obrazovaniya* [Essays on the History of University Education] (ed. T. Molokova), Moscow: Moscow State University of Civil Engineering, pp. 15–38.
- Prahl H. W. (1978) *Sozialgeschichte des Hochschulwesens*. München: Kösel-Verlag.
- Rasche U. (2007a) Die deutschen Universitäten und die ständische Gesellschaft. *Bilder—Daten—Promotionen. Studien zum Promotionswesen an deutschen Universitäten der frühen Neuzeit* (Hrsg. R. A. Müller), Stuttgart: Steiner Verlag, ss. 150–273.
- Rasche U. (2007b) Geschichte der Promotion in absentia. Eine Studie zum Modernisierungsprozess der deutschen Universitäten im 18. und 19. Jahrhundert. *Examen, Titel, Promotionen: Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert* (Hrsg. R. C. Schwinges), Basel: Schwabe & Co AG, ss. 275–351.
- Rudy W. (1984) *The Universities in Europe, 1100–1914. A History*. Rutherford, NJ: Fairleigh Dickinson University.
- Schwinges R. C. (2007) *Examen, Titel, Promotionen: Akademisches und staatliches Qualifikationswesen vom 13. bis zum 21. Jahrhundert*. Basel: Schwabe & Co AG.
- Schwinges R. C. (2012) Promotionen in historischer Perspektive: Organisation und Gesellschaft. *Der Dokortitel zwischen Status und Qualifikation* (Hrsg. N. Huber, A. Schelling, S. Hornbostel), Berlin: Institut für Forschungsinformation und Qualitätssicherung, ss. 15–23.

- Stokes H. P. (2009) *Ceremonies of the University of Cambridge*. Cambridge: Cambridge University.
- Suvorov N. (2012) *Srednevekovye universitety* [Medieval Universities]. Moscow: Librokom.
- Uvarov P. (2000) *Istoriya intellektualov i intellektualnogo truda v srednevekovoy Yevrope (spetskurs)* [The History of Intellectuals and Intellectual Labor in Medieval Europe (special course)]. Moscow: Institute of Universal History, Russian Academy of Sciences.
- Uvarov P. (2003) Universitet [University]. *Slovar srednevekovoy kultury* [The Dictionary of Medieval Culture]. Moscow: ROSSPEN Publishers, pp. 544–552.
- Vishlenkova Y., Ilyina K. (2013) Ob uchenykh stepenyakh i o tom, kak dissertatsiya v Rossii obretala nauchnyuyu i prakticheskuyu znachimost [On Academic Degrees and the Evolution of Scientific and Practical Importance of Thesis in Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 122, no 4, pp. 84–107.
- Wollgast S. (2001) *Zur Geschichte des Promotionswesens in Deutschland*. Bergisch-Gladbach: Dr. Frank Grätz Verlag.